

РЕЧЬ МОЛОДЕЖИ: АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ
СОЦИАЛЬНОГО ДИАЛЕКТА

В последние десятилетия в лингвистической науке объектом исследования стала живая разговорная речь в различных её проявлениях. К их числу относятся и жаргоны, вызывающие особый интерес, который в значительной мере обусловлен тем, что с начала 90-х гг. XX в. наблюдается экспансия жаргона, активное проникновение жаргонной лексики в литературный язык и просторечие.

Долгое время в отечественной лингвистике тема жаргона, его изучения, считалась запретной, недостойной внимания, как нечто низкое, вульгарное, и потому обходилась стороной. Но все же утверждать, что молодежный жаргон не изучался вовсе, нельзя. Речь молодежи исследовалась М. М. Копыленко (1976), Е. Г. Борисовой-Лукашанец (1980, 1982) К. Н. Дубровиной (1980) и другими. Можно отметить следующую особенность этих работ: некоторые лингвисты, словно стыдясь, что взялись за исследование такого «недостойного», «низкого» предмета, начинают и заканчивают призывами к борьбе с ним, а свое исследование оправдывают необходимостью глубоко изучить зло, чтобы знать, как лучше с ним бороться. Подобный пуризм по отношению к жаргону – явление обычное. Всюду, где существует жаргон, есть люди, которые его не приемлют, не понимая, что это нормальное, естественное явление в языке. Но, чтобы признаки жаргонофобии проявились у лингвистов, активно изучающих жаргон, это явление уже совершенно исключительное. Такой подход представляется ненаучным: лингвист не может и не должен бороться с языком, задача лингвиста – исследовать его многообразие. Мнение о жаргоне, как о чём-то низком, грязном, не изжито среди некоторых языковедов и по сей день.

Молодежный жаргон может изучаться в разных аспектах. Опубликовано немало исследований сленга в рамках системно-структурного подхода, когда жаргон рассматривается только на лексическом, фразеологическом и словообразовательном уровнях. То есть объектом исследования является, по сути дела, не сам жаргон в целом с его причинно-следственными связями, а только его

единицы и способы образования последних. Молодёжный жаргон изучается и в рамках городского просторечия как объект лингвистики речи.

Как социальный диалект молодёжный сленг изучается в социолингвистическом аспекте. Причем здесь возможны два подхода в изучении языкового явления: во-первых, это исследование жаргона в диахронном аспекте, то есть сленг рассматривается в его эволюции, смене его состояний во времени; во-вторых, это изучение жаргона в синхронном аспекте, когда исследуется состояние речи молодёжи на определённом этапе развития. Как известно, социолингвистика, как научная дисциплина, развивается на стыке языкознания, социологии, социальной психологии и этнографии. Междисциплинарный статус социолингвистики представляет собой синтез лингвистических и социологических процедур, вследствие чего одним из наиболее распространенных методов сбора социолингвистических данных является анкетирование, которое и было проведено нами в г. Чите и некоторых селах Читинской области в целях изучения речи молодежи. Это исследование позволило нам составить более или менее объективное представление о местной разновидности молодёжного жаргона. К анкетированию были привлечены информанты – студенты Забайкальского государственного педагогического университета, учащиеся Читинского техникума отраслевых технологий и бизнеса, учащиеся 6–11 классов среднеобразовательных школ города Читы (школа № 13, школа № 50) и некоторых сёл области (с. Красная Ималка Ононского района, с. Хойто-Ага Агинского района), военнослужащие срочной службы, молодые люди без определённого рода занятий.

Анкетирование позволило решить несколько задач. Во-первых, с его помощью был установлен возраст младших носителей молодёжного жаргона (имеются в виду те, кто начинает осознанно и систематически употреблять в речи жаргонизмы). Это учащиеся 7–8-х классов, то есть подростки 13–14 лет. Ученики же 6-го класса не справлялись с поставленной перед ними задачей, хотя и проявляли определенный интерес к теме жаргона и с охотой соглашались на анкетирование. У семиклассников степень владения жаргоном была немного выше, но и они в отдельных случаях испытывали некоторые затруднения. Ученики же восьмого класса в знании жаргона почти не уступали старшеклассникам. Полученные

данные о возрасте младших носителей молодежного жаргона, в целом, соответствуют точке зрения Е. Г. Борисовой¹ и М. М. Копыленко². Выявить «верхнюю» возрастную границу функционирования молодежного жаргона затруднительно из-за жаргонизированности общенародной речи и невозможности провести более или менее четкую границу между жаргоном и просторечием.

Во-вторых, данное социолингвистическое исследование позволило показать дифференциацию молодежного сленга, ибо помимо обширного пласта общемолодежной жаргонной лексики в речи представителей разных социальных групп молодежи имеются многочисленные лексические и фразеологические единицы корпоративных жаргонов: школьного, студенческого, армейского и др.

Кроме того, анкетирование выявило различия в знании отдельных жаргонизмов у учащихся разных школ города Читы, не говоря уже об учащихся сельских школ. Так, например, значение слова «сейшн» (1. Дискотека; 2. Вечеринка) сумел определить только один из тридцати одного опрошенного в школе № 13, тогда как в школе № 50 значение жаргонизма правильно определило большинство информантов. Речь учащихся сельских школ имеет свою специфику. Жаргонная лексика, которой владеют сельские школьники, отличается большим количеством устаревших слов. Степень знания современной жаргонной лексики³, приведенной в одной из анкет, намного ниже, чем у городских школьников.

В заполненных анкетах отражена и некоторая дифференциация молодежного жаргона по половому признаку. Так, у информантов различаются обозначения лиц противоположного пола и пола, к которому принадлежат сами опрашиваемые. Например, кроме слов «бикса», «телка», «чувиха» и др., приводимых информантами обоих полов для определения понятия «девушка», сами девушки приводят жаргонизм «морковка», который юноши употребляют в речи крайне редко. И, напротив, в речи юношей довольно часто используется очень грубое жаргонное слово «тирог», представленное и в анкетах. Мало известен юношам сленгизм «тонак», означающий у девушек тональный крем: не сумело определить слово в анкете подавляющее большинство юношей⁴.

Проведенное анкетирование позволило выявить и некоторые региональные особенности лексики и фразеологии молодежного жаргона, особенности их формирования. В ходе анализа собранно-

го материала, полученного в г. Чита, данные сопоставлялись с данными других источников, например, таких как «Большой словарь русского жаргона» (БСРЖ), в котором представлена жаргонная лексика и фразеология из самых разнообразных источников: «Одни из таких слов и выражений были выписаны нашими предшественниками еще в начале XX века, другие извлечены из многочисленных словарей, словарников, записей, картотек и филологических разысканий наших с вами современников, третьи выхвачены нами или нашими коллегами, учениками, друзьями из горнила живой русской речи разных регионов или из актуальной литературы, средств массовой информации и произведений поп-культуры...»⁵. Активно использовался для сопоставления и «Словарь русского сленга» (СРС).

Сопоставив собранный материал по молодежному жаргону данного региона с рядом словарей, можно сделать вывод, что большая часть некодифицированных слов и идиом, зафиксированных в анкетах, совпадает с жаргонизмами, представленными в словарях. Но помимо совпадения есть и расхождения со словарями, причем здесь наблюдаются несколько вариантов несовпадения:

Слово, имея значения, отраженные в словарях, развило новое. Например: *Таска* – «шутка» в БСРЖ имеет только два значения: 1. Нарк. Состояние наркотической эйфории; 2. Мол. О любых очень сильных приятных ощущениях (однокоренное *тащить* – испытывать удовольствие, наслаждение).

Поднять – «украсть» в БСРЖ: 1. Мол. Приобрести что-либо; 2. Торг. Бизнес, заработать определенную сумму; получить прибыль; 3. Фарц. Получить что-либо у иностранцев в обмен на свой товар.

Слово является омонимом лексеме, зафиксированной в БСРЖ, так как имеет другую производящую основу. Например: *пацик* (от *пацан*) – «юноша, подросток». В БСРЖ *пацик* – «пацифист».

Жаргонизмы, зафиксированные в анкетах, не имеют никаких соответствий в словарях. Например: *чекер* – «юноша» (имеет отрицательную коннотацию, в этом отношении синонимично общепотребительным словам *тип*, *субъект*); *фишку сорвало* (*фишка съехала*) – «сошел с ума»; *ранетка свистит* – «о человеке, ведущем себя подобно сумасшедшему»;

кэмэл – человек, нанимаемый предпринимателем для транспортировки товаров через границу;

Слово является однокоренным и совпадает по значению, но имеет отличия в грамматическом и фонетическом облике. Например: *бабло* – «деньги»; в БСРЖ: *бабл*, *баблы* – «деньги».

Региональный характер бытования молодежного жаргона, его развития, подтверждается и разграничением лексики в зависимости от выявленных источников формирования. В отличие от центральных областей страны местный вариант молодежного сленга избирает в качестве источников образования некодифицированной лексики общеупотребительную лексику национального языка и лексику уголовного аргю. Исследования в центральной части страны указывают в качестве наиболее продуктивного источника иноязычные заимствования: «В настоящее время, как способ формирования лексики молодежного жаргона, на первое место по продуктивности выходят иноязычные заимствования», – считает Э. М. Береговская⁶. Таким образом, в лексиконе читинской молодежи жаргонизмы английского происхождения имеют незначительный удельный вес, то есть данный способ формирования жаргонной лексики в местных условиях не столь продуктивен, как в центральных регионах страны. И, напротив, более распространен лексико-семантический способ образования жаргонизмов на базе, как общеупотребительной лексики, так и на базе воровского жаргона (арго). Как упоминалось выше, основными способами семантического словообразования в молодежном жаргоне оказываются свойственные для национального языка в целом переносы значений метафорического и метонимического типов. Из последних для сленга более характерен метафорический способ, когда перенос значения осуществляется на основе сходства каких-либо признаков: формы, цвета, функции и т.п. Например, *упаковка* – одежда, *тормоз* – медлительный, инертный человек, тугодум; *пузырь*, *флян* – бутылка со спиртным; *предки* – родители.

Однако необходимо отметить, что своеобразие молодежного сленга невозможно представить в полной мере, анализируя его только с позиций системно-структурного подхода, когда внимание ориентировано на предмет, вещь, то есть в центре внимания находится лишь слово как таковое, без должного учета причинно-следственных связей. Не дает полного представления о языковом

явлении и социолингвистика. Поэтому, на наш взгляд, правомерна постановка вопроса об антропологической парадигме изучения молодежного жаргона, при которой внимание переключается с объектов познания на субъект, с языка на носителя, поскольку, по словам И. А. Бодуэна де Куртене, «язык существует только в психике индивидов или особей, составляющих данное языковое общество»⁷. Поэтому было бы целесообразно предусмотреть исследование молодежного жаргона (а также других социальных диалектов) в русле сформировавшегося в 90-е гг. XX в. направления в языкознании – когнитивной лингвистики, которая, как известно, исследует проблемы соотношения языка и сознания, роль языка в концептуализации и категоризации мира, в познавательных процессах и обобщении человеческого опыта.

Рассмотрение речи молодежи под новым углом зрения позволит описать многомерные концепты в национальном сознании молодых носителей русского языка. Так, например, концепты «семья», «труд, занятие», «семья» являются универсальным в любой национальной картине мира.

Итак, составляющие концепта «ум»:

Лексическое значение: ум – 1. Способность человека мыслить, основа

сознательной разумной жизни; 2. Такая способность, развитая в высокой степени, высокое развитие интеллекта.

По материалам анкетирования концепт «ум» вербалнуется номинативными средствами, отчасти в устойчивых единицах.

Важно отметить наличие такой важной для молодежи характеристики анализируемого концепта как динамика ума (или его отсутствие). Имеющиеся материалы показывают, что большая часть номинативных единиц характеризует отсутствие этой динамики, а также низкую степень развития интеллекта (*олень, лох, тупорылый, тупарь, бивень, зубр, тугой, баран, овца, броня (бронь), веник – глупый, недалекий человек; лох, тормоз, ручник (арм.) (от ручной тормоз)* – медленно соображающий человек). Кроме того, при анкетировании некоторые информанты приводили дополнительно лексику, выражающую отношение (резко отрицательное) к человеку глупому или медленно соображающему (черт, овца и т.д.). Слов, характеризующих высокую степень развития интеллекта,

динамику ума, намного меньше (*гений, шарящий, встретить, сообразать, сечь, просекать, сняться с ручника*).

Следует отметить способы образования приведенных жаргонизмов: преобладает метафоризации, в меньшей степени представлена аффиксация (*тупарь <тупой, ручник <ручной тормоз*).

В качестве источника формирования лексики, характеризующей концепта «ум» чаще выступают наименования животных (*овца, баран, олень, бизон, зубр*), причем следует отметить ряд слов (*бизон, зубр, бивень*), редко употребляемых в рамках литературной формы проявления языка. В жаргоне их языковая ценность повышается и они помогают сформировать и передать ассоциативно-эмоциональный опыт говорящего.

Кроме того, встречаются слова, связанные с приобретенным социальным опытом (*тормоз, ручник*). Необходимо отметить специфику слова *ручник*: если употребление *тормоз* носит интержаргонный характер, то слово *ручник* употребляется преимущественно в солдатской среде и происходит от словосочетания *ручной тормоз*. Наличие данной лексемы говорит о несколько большем социальном опыте военнослужащих.

Подводя итог вышесказанному по поводу концепта «ум», следует отметить следующее: преобладание оценочной лексики с отрицательной коннотацией характеризует в целом менталитет русского человека, его критичный ум, только дополняется все это юношеским максимализмом.

Концепт «труд, занятие» также относится к числу универсальных концептов. Его лексическое значение:

- целесообразная деятельность человека, направленная на создание с помощью орудий производства материальных и духовных ценностей, необходимых для жизни людей;
- работа, занятие;
- усилие, направленное к достижению чего-нибудь.

По материалам анкетирования концепт «работа, занятие» вербализуется номинативными средствами и отчасти в устойчивых единицах: *кэмэл, вкалывать, пахать, пахать как папа Карло, гаситься, шкериться, калымить, кабанствовать, зашариться, кэмэлить, калым*. Следует отметить, что слова *гаситься, шкериться* имеют хождение в общемолодежном жаргоне в значении «прятаться», но в значении «отлынивать от работы» они распространены

ны, в основном, в армейском жаргоне. Кроме того, специфически армейскими жаргонизмами являются лексемы *кабанствовать*, *зашариться*, *кабан*.

Довольно высокий процент армейских жаргонизмов, связанных с концептом «труд, занятие», объясняется спецификой службы, когда в армии широко используется солдатский труд. Неудивительно и то, что все указанные солдатские жаргонизмы выражают отрицательное отношение к труду, труду бесплатному. Положение солдат в армии, часто использующихся как дешевая рабочая сила, достаточно ярко отражают и солдатские поговорки:

Солдат – это бесплатная рабсила.

*Два солдата из стройбата
Заменяют экскаватор.*

*Два солдата из стройбата
Заменяют экскаватор;
Один солдат из ПВО
Заменяет хошь кого.*

Остальная лексика, выявленная нами в ходе анкетирования, относится к общемолодежному жаргону. Заслуживает более подробного рассмотрения слово *кэмэл* (и производное от него *кэмэлить*). Будучи заимствованным из английского языка, оно стало обозначать людей, нанимаемых предпринимателем для транспортировки товаров через границу. По всей вероятности, метафоризация произошла в связи с ассоциацией описываемой категории людей с верблюдом (*кэмэл* – с англ. «верблюд»), всегда используемого для перевозки грузов. (Ср. устойчивое словосочетание «*нагруженный как верблюд*»). Слово имеет, во всей видимости, региональную специфику, так как в жаргонных словарях оно не зарегистрировано. Возможно, возникновение и бытование жаргонизма связано с географическими и экономическими условиями (соседство с Китаем, наличие торговой зоны в г. Маньчжурии).

Следует отметить способы образования приведенных жаргонизмов: метафоризация, вторичная метафоризация, аффиксация.

Источники формирования лексики, характеризующей концепт «труд, занятие»: в семантическое поле слов входят заимствования

из аргос (*шкериться*), из английского языка (*кэмэл*), литературный источник (детская литературная сказка А. Н. Толстого «Бура-тино»).

Осмысление переносной семантики слов, характеризующих концепт «труд» наводит на мысль о том, что в русской культуре понятие труда ассоциируется с тяжелым, не приносящим радости, но неотвратимым занятием. Носителям национального языка свойственно резко отрицательное отношение к бесплатному труду.

Концепт «семья» является универсальным в любой национальной картине мира. Лексическое значение: группа живущих вместе родственников (муж, жена, родители с детьми). Семантическое поле концепта образуют следующие лексемы, отраженные в анкетах: *предки, шнурки, черепа, старики, родаки, пэрэнты, кони, родичи, мазер-фазер* – родители; *пахан, папик, фазер* – отец; *сеструха* – сестра; *братан, братело* – брат.

Вся представленная выше лексика, характеризующая родственные отношения, отличается со стилистической точки зрения ярко выраженной фамильярностью. Но важно отметить то, что в солдатском жаргоне она отсутствует, то есть речь идет о явлении лакунарности. Данная лакуна обусловлена социальным и чувственным опытом военнослужащих. В ситуации армейской жизни данный концепт оказывается на такой шкале ценностей, которая не позволяет концепту вербализоваться в единицах с отрицательной коннотацией.

Способы образования приведенных жаргонизмов: метафоризация, в равной степени представлена и аффиксация. Источник формирования лексики, характеризующей концепт «семья»: переосмысленная общеупотребительная лексика, заимствования (например: *пэрэнты*). Концепт «семья» в представлениях молодежи в целом не занимает ведущего места в семантическом поле концептов (исключение составляет среда служащей молодежи).

Таким образом, лингвокультурологическое осмысление речи молодежи в его региональном варианте позволяет сделать вывод о том, что молодежный жаргон является своеобразной картиной мира молодого поколения с его максимализмом, с его представлением о жизненных ценностях, норме поведения.

Анализ молодежного жаргона на концептуальном уровне дает возможность увидеть на примере некоторых лакун степень значи-

мости тех или иных реалий в мировидении разных групп молодежи. Таким образом, подобное описание молодежного сленга характеризует образ мыслей, особенности психологии молодого носителя национального языка, в том числе и тех, кто оказался в специфических условиях жизни (служба в армии).

¹ Борисова Е.Г. О некоторых закономерностях молодежного жаргона // РЯШ. 1981, №3.

² Копыленко М.М. О семантической природе жаргонов // Социально-лингвистические исследования. М., 1976.

³ Современность лексики в анкете достаточно условна – сказывается удаленность г. Читы от Центральные регионов России.

⁴ В некоторых жаргонных словарях, в частности, в «Словаре русского сленга», используется помета «женск.», которая означает, что слово бытует, в основном, среди лиц женского пола, отражая своеобразие женского взгляда на современную жизнь (Например, помета у идиомы «попасть в прицел» – «стать объектом пристального внимания, преследования со стороны мужчины»).

⁵ Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русского жаргона. СПб, 2000. С.3

⁶ Береговская Э.М. Молодежный сленг: формирование и функционирование // Вопросы языкознания. 1996. №3.

⁷ Бодуэн де Куртене И.А. Избранные труды. М., 1963. Т.2.

Г.-Х. Ц. Гунжитова

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ РУССКИХ ВВОДНЫХ СЛОВ В РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ БУРЯТ

Вводные слова являются наименее изученной категорией в бурятском языкознании. Практически, можно сказать, что в Академической грамматике бурятского языка только констатируется наличие данных элементов. В русистике же внимание исследователей к вводным словам и конструкциям было уделено уже в грамматиках 19 века. В частности, в настоящее время отмечается, что вводные элементы (слова, конструкции, предложения) в русском языке могут «содержать указание на степень достоверности сообщения, на характер протекания действия, могут выражать эмоциональную оценку высказывания, указывать на его источник, содержать замечания по поводу

словоупотребления, стиля и тона речи, устанавливать связь между данным сообщением и предыдущим и последующим, выражать разного рода призывы, обращения к собеседнику»¹

Целью данной работы является изучение проблемы использования заимствованных слов в разговорной речи бурят на примере вводных слов. При этом автора интересовало, какими – лингвистическими или экстралингвистическими факторами – объяснимы процессы проникновения в речь носителей языка иноязычных элементов, которые в их родном языке имеют соответствующие способы выражения. Чем вызвано, в частности, использование в разговорной речи бурят русских вводных элементов? Является ли причиной этого незнание соответствующих языковых средств родного языка? Или это обусловлено другими факторами?

При изучении данного вопроса было проведено скрытое наблюдение в небольшой группе информантов, представлявших разные возрастные и социальные группы. Всех информантов отличает высокий уровень владения бурятским языком.

Как показало наблюдение, использование русских вводных слов в разговорной речи бурят – явление достаточно распространенное. В разговорном бурятском языке с разной частотой используются заимствованные вводные слова: *может (быть), кажется, конечно, наверно, в общем, в основном, однако, например, по-моему, короче, во-первых, во-вторых* и т.д.

Среди них наиболее употребительными являются: *может (быть), конечно, наверно, кажется, по-моему, например*. Менее употребительны такие конструкции, как: *в общем, в основном, короче, однако, во-первых, во-вторых* и т.д.

Следует отметить, что использование русских вводных элементов в речи характерно для бурят как молодого, так и старшего возраста. При этом в речи пожилых людей чаще используются вводные слова *может, конечно, как раз, в общем*. Вводные слова, *короче, например, в основном, во-первых, по-моему* характерны для речи более молодых людей.

Для сравнение речевого поведения информантов в естественной ситуации общения и в ситуации сознательного речепорождения был проведен дополнительный эксперимент: предварительно были зафиксированы высказывания информантов с использовани-

ем русских вводных конструкций, затем они были переведены на русский язык и представлены тем же информантам для перевода на бурятский язык. О настоящей цели данного задания участники эксперимента не подозревали, также как они не были информированы о том, что эти предложения были записаны с их слов.

Как показал эксперимент, во всех случаях при передаче значений, выраженных в разговорном варианте заимствованными вводными словами, информанты употребляли соответствующие языковые средства родного языка. То есть, можно сказать, что в основном в бурятском языке имеются эквиваленты данных русских вариантов, которые в спонтанной речи билингов не всегда реализуются.

Рассмотрим некоторые примеры:

Разговорный вариант	Предложено перевести	Переведено
Может, үглөөдэр ерэхэ	Может быть, придет завтра	үглөөдэр ерэхэ хаш даа. үглөөдэр ерэхэ бэшэ аал даа. үглөөдэр ерэжэ болохо.
Кажется тэдэшни ябаа.	Кажется они уехали.	Тэдэшни ябаа хаш даа. Тэдэ ябаа бэшэ аал даа. Тэдэш ябаа гү даа.
Конечно, ошыш.	Конечно, поезжай.	Ошо, ошо. Ошыш лэ. Ошонгүй яаха юмши.
В основном, бидэ гэргээ байнабди.	В основном, мы бываем дома.	Бидэ ехэнхидээ гэртээ байдагбди. Бидэ гэртээл байнабдил даа.
Би, наверно, ерэжэ шадахагүйб.	Я, наверно, не смогу прийти.	Би ерэжэ шадахагүй гүб даа. Би ерэжэ шадахагүй бэшэ аалби даа. Би ерэжэ шадахагүй хаб даа.
Может, шамтай уулзахаа ханаа.	Может быть, он хотел с тобой встретиться.	Шамтай уулзахаа ханаа биз. Шамтай уулзахаа ханаа хаш даа.
По-моему, энэш Баярай юумэн.	По-моему, это вещи Баира.	Минии ханахада, энэш Баярай юумэн. Энэш Баярай юумэн гэжэ хананаб. Энэш Баярай юумэн хаш даа.
Однако, энэш худал.	Однако, это неправда.	Энэшни худал бэшэ гү. Нэш худал хаш даа.

Конечно, болохо.	Конечно, можно.	Болохо юм ааб даа. Болохол бэд даа. Болонгуй яаха юм.
Значит, тэрэш ерээ болео.	Значит, он уже не придет.	Тэрэш ерэхээ болео ха юм даа. Тэрэш ерэхээ болибо гээшэ.
Короче, бэдэрхэ болонбди.	Короче, будем искать.	Бэдэрхэ болон гээшэбди. Зай, бэдэрэл даа.
В общем, үшөө хаража үзэхэбди.	В общем, мы еще посмотрим.	үшөө харуужамдил даа. Зай, үшөө хаража үзэхэбди.

Как видно из таблицы, характерным для разговорной речи бурят-билингвов является использование русских вводных элементов преимущественно в начале предложения. Эта позиция считается наиболее сильной для вводного слова, которые в данной позиции выполняют модально-детерминирующую функцию и соотносятся с содержанием всего высказывания. Это позволяет говорящему уже в начале высказывания выразить его модальную окраску и передать свое коммуникативное намерение.

Кроме того, приведенные примеры показывают, что модальные значения, выраженные заимствованными вводными словами, в бурятском языке передаются, в основном, посредством сложных составных глагольных конструкций и чаще в сочетаниях с частицами, находящимися в конце предложения. Частицы, находясь в конечной позиции, соответственно, лишь в конце передают модальные оттенки высказывания. Таким образом, можно предположить, что использование русских вводных слов в разговорной речи бурят вызвано потребностью последних уже в начале высказывания актуализировать его содержание, обратить внимание собеседника на его модальный оттенок.

Также следует отметить структурную несложность используемых русских вводных слов. В основном, они состоят из одного-двух компонентов. По-видимому, использование в речи именно простых вводных элементов обусловлено тем, что они меньше нарушают плавность речи говорящего, гармонично вливаясь в общую мелодику высказывания. Для бурятского же языка при передаче различных модальных значений характер-

но использование сложных предикативных конструкций, различных сочетаний частиц. И, как показывает таблица, предложения с заимствованными вводными словами менее громоздки, чем предложения с использованием соответствующих им языковых средств бурятского языка.

Не удивительно, что это «опрощение» структуры предложения путем использования иноязычных языковых средств, проявилось в разговорной речи. Как мы знаем, именно для разговорной речи характерно стремление к несложности, простоте высказываний. И такие явления, как морфологическая и синтаксическая редукция, проявляются именно в разговорной речи. По-видимому, все это и обуславливает то, что в разговорной речи буряты отдают предпочтение иноязычным, но зато простым языковым средствам, нежели соответствующим более громоздким элементам родного языка.

Вместе с тем, одним из проявлений русского языкового влияния явилось появление в современном бурятском языке калькированных вводных конструкций типа *минии ханахада*, *нэгдэхээр*, *хоердохеор*, *һонин гэхэдэ*, *тэрэнэй хэлэнээр* и т.д., которые выполняют в предложении те же функции, что и соответствующие им русские эквиваленты. Например, данные конструкции могут занимать начальную позицию в предложении и выполнять модально-детерминирующую функцию. Эти слова активно используются в речи дикторов телевидения и радио, в публичных выступлениях, в речи студентов и преподавателей на занятиях бурятского языка или литературы, т.е. в тех случаях, когда мы говорим о сознательно организованной устной речи, об устном литературном языке. В разговорной же речи данные слова еще не «прижились». В последующем, когда эти конструкции адаптируются и в разговорной речи, само собой отпадет необходимость использования русских вводных элементов.

Такое положение вещей, по всей видимости, говорит о том, что вводные конструкции для бурятского языка – явление новое. А использование русских вводных слов в разговорной речи и появление калькированных вводных конструкций в бурятском языке – это один из процессов изменения синтаксической системы бурятского языка под влиянием русской синтаксической традиции.

Возможно также, что в данном случае мы наблюдаем у бурят процесс русификации на уровне сознания, который находит отражение и в вышеуказанных языковых изменениях.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

- использование заимствованных вводных конструкций в разговорной речи бурят вызвано потребностью в более четком языковом выражении коммуникативного аспекта высказывания, его модальной актуализации;

- русские вводные конструкции менее громоздки по сравнению с соответствующими языковыми средствами бурятского языка, чем объясняется их употребление в разговорной речи, которая отличается стремлением к несложности и простоте;

- в литературном бурятском языке используются вводные элементы, являющиеся, в основном, кальками соответствующих русских конструкций, однако в разговорную речь они еще не внедрились;

- наблюдаемые процессы, по всей видимости, свидетельствуют не только об изменении синтаксической системы бурятского языка под влиянием русского языка, но и о происходящем процессе русификации бурят на уровне сознания, мышления.

¹ Грамматика русского языка. М., 1954. Т.2, ч.2. С.163.